

*Моей матери, Джейн Пиколт,
потому что ты научила меня:
нет ничего важнее семьи.
И потому, что спустя двадцать лет
снова наступила твоя очередь*

Отец доверительно обсуждал со мной свою кончину.

— Аня, — говорил он, — чтоб на моих похоронах никакого виски. Пусть будет самое лучшее вино из ежевики. И ни капли слез, запомни. Только танцы. А когда меня опустят в землю, хочу, чтобы зазвучали фанфары и полетели белые бабочки.

Личность — вот какой был у меня отец. Деревенский пекарь, он каждый день в придачу к хлебам, которые выпекал для жителей деревни, пек булочку для меня — особенную и самую вкусную, свернутую в кольцо и похожую на корону принцессы, в тесто отец добавлял сладкую корицу, шоколад и один секретный ингредиент — свою любовь ко мне (так говорил он сам), и ничего вкуснее я в жизни не ела.

Мы жили на окраине деревни, такой маленькой, что все знали друг друга по именам. Наш дом с соломенной крышей был сложен из речных камней; печь, в которой отец пек хлеб, прогривала его целиком. Я частенько сидела за кухонным столом и лушила горох, который выращивала сама в маленьком садике позади дома, а отец открывал заслонку кирпичной печи, засовывал внутрь пекарскую лопату и вынимал круглые румяные караваи. Свет мерцающих углей подсвечивал мышцы его рук и спины, рельефно выделявшиеся под пропитанной потом рубахой.

— Я не хочу, чтобы меня хоронили летом, Аня, — говорил он. — Постарайся, чтобы я умер в прохладный день, когда дует свежий ветерок. Пока птицы не улетели на юг, пусть споют для меня.

Я притворялась, что беру на заметку его просьбы. Меня не пугали такие мрачные разговоры; отец казался мне слишком здоровым и сильным, чтобы я могла поверить, будто эти его просьбы когда-нибудь придется выполнять. Некоторые жители деревни находили наши отношения с отцом странными — как можно шутить о таких вещах? — но мать моя умерла, когда я была маленькой, и у нас никого больше не было: у меня — он, а у него — я.

Проблемы начались в тот день, когда мне исполнилось восемнадцать. В последнее время фермеры не раз жаловались на неприятные происшествия: они шли покормить свою птицу и обнаруживали в курятниках только окровавленные перья, будто разметанные взрывом, или находили в коровниках телят, едва ли не вывернутых наизнанку, а вокруг останков уже жужжали мухи.

— Лиса, — рассуждал сборщик налогов Барух Бейлер; он жил в роскошном доме в конце главной деревенской площади, который напоминал украшение на груди королевской особы. — Или лесной кот. Платите, что полагается, и взамен вам обеспечат защиту.

Однажды Бейлер пришел к нам, когда мы были к этому не готовы — я имею в виду, не забаррикадировали дверь и не затушили огонь, чтобы все выглядело так, будто нас нет дома. Отец месил тесто и лепил хлебы в форме сердечек, как всегда делал в мой день рождения, чтобы жители деревни знали: сегодня особенный день. Барух Бейлер вошел в кухню, поднял свою палку с золотым набалдашником и ударил ею по рабочему столу. Мука облаком взвилась в воздух, а когда осела, я посмотрела на кусок теста в руках отца, на это разбитое сердце.

— Прошу вас, — сказал отец, который никогда ни о чем не просил. — Я помню о своем обещании. Но дела идут неважно. Если бы вы дали мне еще немного времени...

— Ты просрочил платеж, Эмиль, — прорычал Бейлер. — Я беру в залог эту крысиную нору. — Он нагнулся

вперед, и впервые в жизни я усомнилась в непобедимости отца. — Поскольку я щедрый человек, великодушный человек, то даю тебе срок до конца недели. Но если ты не найдешь денег, ну, я могу сказать, что тогда будет. — Он поднял палку и скользящим движением провел по ней рукой, как по клинку. — Тут в последнее время было столько... неприятностей.

— Вот почему у нас так мало покупателей, — тоненьким голоском пропищала я. — Люди не ходят на рынок, потому что боятся зверя.

Барух Бейлер повернулся, будто только сейчас заметил мое присутствие. Он окинул меня пристальным взглядом — от заплетенных в косу темных волос до кожаных башмаков, дырки на которых были залатаны кусками прочной ткани. Меня пробрала дрожь, но не такая, как от взгляда Дамиана, начальника стражи, когда я шла по деревенской площади, а он смотрел на меня, будто кот на сливки. Нет, взгляд Баруха был более торгашеским, словно он пытался оценить, сколько я могу стоить.

Бейлер протянул руку поверх моего плеча к стойке с полками из металлической сетки, где остывали недавно испеченные хлебы, взял один, в форме сердца, и сунул себе под мышку.

— Обеспечение кредита, — заявил он и вышел из дома, оставив дверь нараспашку просто потому, что мог себе это позволить.

Отец проводил его взглядом и пожал плечами. Взял в руки следующий кусок теста и начал формировать его.

— Не обращай внимания. Мелкая сошка, а изображает из себя невесть что. Когда-нибудь я спляшу джигу на его могиле. — Потом он повернулся ко мне, улыбка смягчила его лицо. — Кстати, Ания, чуть не забыл: я хочу, чтобы на моих похоронах была процессия. Сперва дети, пусть разбрасывают лепестки роз. Потом самые красивые женщины с зонтиками от солнца, разрисованными так,

РАССКАЗЧИЦА

что похожи на цветы из оранжереи. Потом — мой катафалк, который тянут четыре — нет, пять снежно-белых лошадей. А замыкает процессию Барух Бейлер, который подбирает с дороги навоз. — Отец откинул назад голову и расхохотался. — Если, конечно, он не умрет первым. Лучше раньше, чем позже.

Отец делился со мной подробностями своего ухода... но в конце концов я опоздала.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Невозможно поверить
в существование в мире
того, что перестало считать
человека человеком.

Симон Визенталь. Подсолнух

Сейдж

Каждый второй четверг месяца миссис Домбровски приносит на встречу нашей психотерапевтической группы своего покойного мужа.

Сейчас только что перевалило за 3 часа дня, и большинство из нас наливают себе дрянной кофе в бумажные стаканчики. Я принесла блюдо с выпечкой — на прошлой неделе Стюарт сказал, что приходит на занятия в «Руку помощи» не для того, чтобы проконсультироваться по поводу своей неизбывной скорби, а ради моих кексов с пеканом, — и вот в тот момент, когда я ставлю их на стол, миссис Домбровски робко кивает на урну, которую держит в руках.

— Это, — говорит она мне, — это Херб. Херби, познакомься с Сейджем. Я тебе о ней рассказывала, она — пекарь.

Я обмираю и, как обычно, наклоняю голову, чтобы волосы прикрыли левую часть лица. Уверена, существуют особые правила для знакомства с кремированным супругом, но я что-то не могу их вспомнить. Наверное, пужно сказать «привет»? Пожать его ручку?

— Вау! — наконец произношу я, потому как в нашей группе особых правил немного, но те, что есть, очень твердые: слушай внимательно, не осуждай и не определяй границ чужого горя. Мне эти правила известны лучше всех. Как-никак я хожу сюда уже почти три года.

— Что ты принесла? — спрашивает миссис Домбровски, и я понимаю, почему она взяла с собой урну с прахом мужа.

На прошлой встрече наша ведущая — Мардж — предложила поделиться воспоминанием о какой-нибудь своей утрате. Я вижу, что Шейла прижимает к груди пару розовых вязаных пипеток так крепко, что у нее побелели костяшки пальцев. Этель держит в руке пульт от телевизора. Стюарт — опять — притащил бронзовую посмертную маску своей первой жены. Она уже несколько раз появлялась в нашей группе, и это самая жуткая вещь, какую я видела, — до сего дня, когда миссис Домбровски взяла с собой Херба.

Прежде чем я успеваю, заикаясь, что-нибудь ответить, Мардж призывает нашу маленькую группу собраться. Мы расставляем складные стулья в кружок, достаточно близко один к другому, чтобы иметь возможность похлопать соседа по плечу или протянуть руку в знак поддержки. В центре стоит коробка с бумажными салфетками, которые Мардж приносит на каждую встречу, так, на всякий случай.

Часто Мардж начинает с глобального вопроса: «Где вы были 11 сентября 2001 года?» Тогда люди принимают обсуждать общую трагедию, и после этого им становится легче говорить о своей личной. Несмотря на это, всегда находятся те, кто молчит. Иногда проходят месяцы, прежде чем я узнаю, как звучит голос нового участника группы.

Правда, сегодня Мардж сразу спрашивает о памятных вещах, которые мы принесли. Этель поднимает руку.

— Это принадлежало Бернарду, — говорит она, поглаживая пульт большим пальцем. — Я не хотела, чтобы так было. Бог знает, я пыталась забрать у него эту штуку тысячу раз. У меня теперь даже нет телевизора, к которому она подходит. Но я никак не могу ее выбросить.

Муж Этель еще жив, но у него болезнь Альцгеймера, и он не узнает свою жену. Люди страдают от всевозможных утрат — крупных и совсем незначительных. Вы можете потерять ключи, очки, девственность. Вы можете потерять голову, остаться без сердца, утратить разум. Вы можете по-

кинуть свой дом и отправиться в дом престарелых, или ваш ребенок переедет за океан, или ваш супруг растворится в деменции. Утрата — это не только смерть, и горе — это тайный трансформатор эмоций.

— Мой муж забирает пульт себе, — говорит Шейла. — Говорит, мол, это потому, что все остальное уже прибрали к рукам женщины.

— На самом деле это инстинкт, — встречает Стюарт. — В мозгу мужчин область, отвечающая за контроль над территорией, больше, чем у женщин. Я слышал это в одной передаче Джона Теша.

— Значит, это истина в последней инстанции? — Джослин выкатывает глаза.

Как и мне, ей немного за двадцать. В отличие от меня, у нее не хватает терпения на людей, которым за сорок.

— Спасибо, Этель, что вы поделились с нами своим воспоминанием, — быстро вмешивается Мардж. — Сейдж, что вы принесли сегодня?

Все оборачиваются ко мне, и я чувствую, как кровь приливает к щекам. Хотя я знаю всех в группе и мы сформировали круг доверия, мне все равно трудно раскрываться и пускать их в свою душу. Кожа на моем шраме, расползшемся морской звездой по левому веку и щеке, натягивается сильнее обычного.

Я стряхиваю на глаза длинную челку и вытаскиваю из-под тона висящее на цепочке обручальное кольцо матери, которое всегда на мне.

Разумеется, я понимаю, почему через три года после смерти мамы я словно получаю скользящий удар мечом по ребрам каждый раз, как подумаю о ней. По той же причине из своей группы скорбящих я единственная до сих пор здесь. Большинство людей приходят сюда за помощью, я — ради наказания.

Джослин поднимает руку:

— У меня серьезная проблема с этим. — (Я краснею еще сильнее. Неужели это она обо мне? Но затем понимаю,

что Джослин косится на урну, лежащую на коленях у миссис Домбровски.) — Это отвратительно! — восклицает Джослин. — Нам не предлагали приносить с собой что-то мертвое. Мы должны были принести память.

— Он не что-то, он кто-то, — вступается за мужа миссис Домбровски.

— Мне бы не хотелось, чтобы меня кремировали, — задумчиво произносит Стюарт. — Мне иногда снятся кошмары, где я гибну в огне.

— Экстренная новость: вы уже мертвы, когда вас бросают в огонь, — язвит Джослин, и миссис Домбровски разражается слезами.

И я передаю ей коробку с салфетками. Пока Мардж — по-доброму, но твердо — напоминает Джослин о принятых в группе правилах, я иду в уборную в конце коридора.

Я выросла в убеждении, что утраты ведут к позитивным результатам. По словам мамы, именно так она встретила любовь всей своей жизни: однажды оставила в ресторане кошелек, его нашел повар, готовивший соусы, и отыскал хозяйку. Когда он позвонил ей, ее не было дома и трубку взяла соседка по комнате. А когда моя мама перезвонила по оставленному номеру, то ей ответила какая-то женщина и позвала к телефону моего будущего отца. Они встретились, чтобы он вернул маме кошелек, и она поняла, что в нем есть все, о чем только можно мечтать, но... ей также было известно, что он жил с какой-то женщиной.

Которая оказалась... его сестрой!

Отец умер от сердечного приступа, когда мне было девятнадцать, и смириться с утратой матери через три года после ухода отца я могла, только сказав себе: она теперь снова с ним.

В туалете я убираю волосы с лица.

Шрам серебрится, рюшем вьется по щеке и по лбу, похожий на стянутую шнурком горловину шелкового мешочка. За исключением того, что одно веко у меня слегка опущено — кожа слишком сильно натянута, — вы, вероятно, с первого взгляда ничего и не заметите, по крайней мере,

так говорит моя подруга Мэри. Но люди замечают. Они просто слишком вежливы, а потому ничего не говорят, если им больше четырех лет и они уже успели утратить брутальную честность, которая раньше позволяла им тыкать в меня пальцем и спрашивать маму: что у этой тети с лицом?

Хотя рана моя зажила, я все еще вижу ее такой, какой она была сразу после аварии, — кровавой зубчатой молнией, нарушившей симметрию моего лица. В этом, полагаю, я похожа на девушку с расстройством пищевого поведения: она весит сорок пять килограммов, но видит толстуху, глядящую на нее из зеркала. На самом деле для меня это даже не шрам. Это карта того места, где моя жизнь пошла наперекосяк.

Выходя из уборной, я едва не сбиваю с ног какого-то старика. Я достаточно высокого роста, чтобы сквозь ураганные завихрения седых волос видеть его розовый скальп.

— Опять я опоздал, — говорит он по-английски с акцентом. — Потерялся.

Полагаю, все мы такие. Затем и приходим сюда: чтобы не потерять связь с утраченным.

Этот мужчина — новичок в группе скорби; он ходит к нам всего две недели и еще не произнес ни слова во время сессий. И все же я с первого взгляда узнала его, только не могла понять, откуда он мне знаком.

Теперь я вспоминаю. Пекарня. Он часто приходит туда с собакой, маленькой таксой, и заказывает свежую булочку с маслом и черный кофе. Целыми часами он пишет что-то в черном блокноте, а собака дремлет у его ног.

Когда мы заходим в комнату, Джослин рассказывает о своей памятной вещи и демонстрирует что-то вроде изгрызенной бедренной кости.

— Это игрушка Лолы, — говорит она, мягко поворачивая обглоданную кость в руках. — Я нашла ее под диваном, после того как мы усыпили Лолу.

— Зачем вообще вы здесь?! — взрывается Стюарт. — Это была всего лишь чертова собака!

Джослин прищуривается:

— По крайней мере, я не отлила ее в бронзе.

Они начинают спорить, когда мы со стариком устраиваемся в кругу. Мардж использует это как отвлекающий маневр.

— Мистер Вебер, — говорит она, — добро пожаловать! Джослин только что рассказала нам, как много значила для нее собака. У вас когда-нибудь был любимый домашний питомец?

Я думаю о таксе, которую старик приводит с собой в пекарню. Он делится с ней булочкой, поровну.

Однако мистер Вебер молчит. Он склоняет голову, как будто его придавили к стулу. Мне знакома эта поза, это желание скрыться с глаз.

— Можно любить домашнее животное больше, чем некоторых людей, — вдруг говорю я, что меня саму удивляет. Все оборачиваются, потому что в отличие от них я почти никогда не привлекаю к себе внимания, вызываясь что-нибудь сказать. — Не важно, что оставляет дыру у вас в душе. Важно, что она там есть.

Старик медленно поднимает глаза. Сквозь завесу челки я ощущаю жар его взгляда.

— Мистер Вебер, — говорит Мардж, все замечая, — может быть, вы принесли какую-нибудь памятную вещь, чтобы поделиться с нами сегодня?

Он качает головой, его голубые глаза ничего не выражают.

Мардж позволяет его молчанию длиться и длиться; оно как приношение на алтаре. Мне понятно поведение старика, потому что некоторые люди приходят сюда поговорить, тогда как другие — лишь послушать. Отсутствие звуков пульсирует в воздухе, как биение сердца. Оно оглушает.

В этом парадокс утраты: как может то, что ушло, так сильно отягощать нас?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На исходе часа Мардж благодарит нас за участие, мы складываем стулья, выбрасываем в мусорную корзину бумажные тарелки и салфетки. Я упаковываю оставшиеся маффины и отдаю их Стюарту. Отнести их обратно в пекарню — все равно что притащить ведро воды к Ниагарскому водопаду. Потом выхожу на улицу, чтобы вернуться на работу.

Если бы вы прожили в Нью-Гэмпшире всю жизнь, как я, то ощущали бы по запаху изменения погоды. Стоит удущающая жара, но на небе невидимыми чернилами написано, что будет гроза.

— Простите.

Я оборачиваюсь на звук голоса мистера Вебера. Он стоит спиной к епископальной церкви, где мы собираемся. Хотя на улице не меньше тридцати пяти градусов, на старике рубашка с длинным рукавом, застегнутая под самое горло, и узкий галстук.

— Хорошо, что вы вступились за ту девушку.

Он говорит со странным акцентом.

Я отвожу глаза:

— Спасибо.

— Вы Сейдж?¹

Ну, это вопрос не меньше, чем на шестьдесят четыре тысячи долларов². Да, меня так зовут, но значение этого имени — якобы я такая мудрая — никогда ко мне не относилось. В моей жизни было слишком много моментов, когда я едва не слетала с рельсов, поддаваясь эмоциям и не слушая голоса разума.

— Да, — отвечаю я.

Неловкая тишина разбухает между нами, как тесто на дрожжах.

— Эта группа. Вы давно сюда ходите.

Я не знаю, стоит ли мне защищаться?

¹ Одно из значений имени *Сейдж* — «мудрец». — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Отсылка к игре «Кто хочет стать миллионером».

— Да.

— Значит, по-вашему, это полезно?

Если бы это шло на пользу, я бы уже перестала сюда ходить.

— Они все очень милые люди, правда. Каждый время-нами думает, что его горе горше, чем у других.

— Вы мало говорите, — задумчиво произносит мистер Вебер. — Но когда начинаете... вы поэт.

— Я пекарь, — качаю я головой.

— Разве нельзя быть тем и другим одновременно? — спрашивает он и медленно уходит.

Я вбегаю в пекарню, красная, запыхавшаяся, и вижу своего босса, свешивающегося с потолка.

— Прости за опоздание, — говорю я. — В храме было полно народа, и какой-то болван на «эскаладе» занял мое место.

Мэри устроила себе строительные леса в стиле Микеланджело, чтобы красить потолок пекарни, лежа на спине.

— Этот болван наверняка епископ, — отвечает она. — Он остановился тут по пути в горы. Сказал, что твой оливковый хлеб бесподобен, а это довольно высокая похвала, особенно из его уст.

В прошлой жизни Мэри Деанджелис была сестрой Мэри Роберт. Она имела страсть к садоводству и была известна тем, что следила за садом в своем монастыре в Мэриленде. Однажды на Пасху, когда священник возгласил: «Христос воскрес!» — она вдруг встала со скамьи и вышла из собора. Сестра Мэри покинула орден, выкрасила волосы в розовый цвет и пошла по Аппалачской тропе. Где-то на Президентском хребте Иисус предстал перед ней в видении и сказал, что есть много душ, которые нужно кормить.

Шесть месяцев спустя Мэри открыла пекарню «Хлеб наш насущный» у подножия горы, где расположено святилище Богородицы Милосердия в Вестербруке, штат Нью-Гэмпшир. Святилище занимает шестнадцать акров земли,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

там есть пещера для медитации, Ангел мира, Крестный путь и Святая лестница. Имеется и магазин, полный крестов, распятий, книг о католицизме и теологии, CD-дисков с христианской музыкой, медальонов со святыми и миниатюрных рождественских пещер фирмы «Фонтанини». Но паломники обычно приходят сюда полюбоваться семисотпятидесятифутовыми четками, сделанными из нью-гэмпширских гранитных валунов, которые соединены друг с другом цепями.

Это святилище было популярным в теплую погоду, однако новоанглийскими зимами бизнес драматическим образом сходил на нет. Это натолкнуло Мэри на коммерчески здравую мысль: что может быть более мирским и вневременным, чем свежеиспеченный хлеб? Почему бы не повысить доходы святилища, открыв вдобавок ко всему пекарню, которая привлечет и верующих, и неверующих?

Одна загвоздка — она понятия не имела, как печь хлеб.

Тут и появилась я.

Печь хлеб мне пришлось начать в девятнадцать лет после внезапной смерти отца. Я тогда училась в колледже и поехала домой на похороны, а когда вернулась, обнаружила, что все не то и не так. Я смотрела на слова в учебниках и ничего не понимала, будто они написаны на чужом языке. Я не могла вытащить себя из постели и пойти на занятия. Провалила сперва один экзамен, а потом и второй. Перестала сдавать контрольные работы. А однажды среди ночи проснулась в своей комнате в общежитии и почувствовала запах муки — такой сильный, будто я валялась в ней. Я приняла душ, но не могла избавиться от запаха. Это напомнило мне воскресные утра в детстве, когда я просыпалась от аромата только что испеченных отцом рогаликов и булочек с луком.

Он не раз пытался обучить моих сестер и меня своему ремеслу, но мы были слишком заняты школой, хоккеем на траве и мальчиками, чтобы слушать его. По крайней мере,

я так думала, пока не начала каждую ночь тайком пробираться на кухню в столовой колледжа и печь хлеб.

Плоды своих трудов я оставляла, как подкидышей, у дверей кабинетов преподавателей, которыми восхищалась, и мальчиков, улыбки которых были столь прекрасны, что, глядя на них, я столбенела и не могла рта раскрыть от смущения. Последнюю порцию булочек из дрожжевого теста я оставила на кафедре в лекционном зале, а хлеб сунула в огромную сумку работницы кафетерия, которая по утрам совала мне тарелки с оладьями и беконом, говоря, что я слишком худенькая. Когда моя научная руководительница сказала, что я не успеваю по трем из четырех изучаемых предметов, мне нечего было возразить, но я дала ей медовый багет с анисом, горьким и сладким.

Однажды вдруг приехала мама. Она обосновалась у меня в общежитии и устроила микроменеджмент моей жизни — от проверки, хорошо ли я питаюсь, до сопровождения меня на занятия и опросов на понимание материала, заданного для самостоятельной работы.

— Если я не собираюсь сдаваться, — сказала мне она, — то и ты не сдашься.

Я подчистила хвосты, перешла на пятилетний курс обучения, но все-таки защитила диплом. Моя мать встала и громко свистнула сквозь зубы, когда я шла по сцене, чтобы его получить. А потом все полетело к черту.

Я много думала об этом: как можно отлететь рикошетом с вершины мира, на которую вы долго и упорно взбирались, к ее подножию и беспомощно копошиться там? Я размышляла обо всех тех вещах, которые могла бы сделать иначе, и о том, привело бы это к другим результатам или нет. Но раздумьями ничего не изменишь, верно? А потому, когда глаз мой все еще был залит красным и франкенштейновский уродливый шов, как на бейсбольном мяче, кривой дугой растянулся по щеке и виску, я дала матери такой же совет, какой получила от нее: «Я не собираюсь сдаваться, а значит, и ты не сдавайся».

Она не сдавалась, сперва. Это заняло почти шесть месяцев, одна система организма отказывала вслед за другой. Каждый день я сидела у ее постели в больнице, а на ночь уходила домой отдыхать. Только я не отдыхала. Вместо этого я снова начала печь — моя трудотерапия. Я приносила домашний хлеб ее докторам, готовила сухие крендели с солью для медсестер. Матери я пекла ее любимые рулетики с корицей, густо посыпанные сахарной пудрой. Я делала их каждый день, но она ни разу и кусочка не откусила.

Мардж — ведущая группы скорби — предложила мне устроиться на работу, чтобы создать видимость какого-то порядка в жизни. «Изображай, что порядок есть, пока он не появится», — сказала она. Но я не могла вынести мысли о работе среди людей, где все будут пялиться на мое лицо. Я и раньше была стеснительная, а после аварии совсем замкнулась в себе.

По словам Мэри, это божественное вмешательство, что она нашла меня. (Себя Мэри называет выздоравливающей монахиней, хотя на самом деле рясу-то она сняла, но от веры не отказалась.) Что до меня, я в Бога не верю; думаю, это было чистой удачей, что первая же статья в журнале, которую я прочла, выслушав предложение Мардж, включала в себя объявление о поиске опытного пекаря, который будет работать по ночам, один, и уходить домой с появлением в магазине покупателей. На собеседовании Мэри и словом не обмолвилась об отсутствии у меня опыта, практики летних подработок и рекомендаций. Но важнее всего, что, мельком взглянув на мой шрам, она сказала: «Полагаю, когда ты захочешь рассказать мне, что случилось, то сделаешь это». И все. Позже, узнав ее получше, я поняла, что, выращивая растения, она не смотрит на семена, а сразу рисует в голове, что из них получится. Наверное, ко мне она отнеслась так же.

Я работала в «Хлебе нашем насущном», и единственной спасительной благодатью для меня (я не шучу) было

то, что мать этого не видела, она не дожила. Они с отцом оба были иудеями. Мои сестры Пеннер и Саффрион обе прошли обряд бат-мицва¹. Хотя мы продавали бейгели и халы наряду с булочками в виде крестов, хотя кофейня при пекарне называлась «Хибруз»², я точно знаю, что мать сказала бы: «Почему из всех пекарен в мире ты выбрала ту, хозяйка которой шикса?»³

Но моя мать также была бы первой, кто сказал бы мне, что хорошие люди — это хорошие люди и религия тут ни при чем. Думаю, моя мама, где бы она сейчас ни находилась, знает, сколько раз Мэри заставляла меня на кухне в слезах и не открывала пекарню, пока не приведет меня в норму. Думаю, маме известно, что в годовщину ее смерти Мэри жертвует все заработанные пекарней деньги Хадассе⁴. И что Мэри — единственный человек, от которого я не пытаюсь активно скрывать свой шрам. Она не только работодатель, но и лучшая подруга, а потому мне нравится верить, что для моей мамы это значило бы больше, чем то, в каком храме Мэри молится Богу.

Крупная капля фиолетовой краски падает на пол у моих ног, заставляя меня поднять взгляд. Мэри рисует еще одно из своих видений. Они случаются у нее с неустойчивой регулярностью — раза три в год — и обычно ведут к каким-нибудь изменениям в устройстве нашего заведения или в ассортименте. Кофе-бар привиделся Мэри, так же как и окно-оранжерея с рядом изысканных орхидей, у которых цветы нанизаны на стебли, будто жемчужины на нитку, поверх толстых ярко-зеленых листьев. В одну зиму Мэри открыла при «Хлебе нашем насущном» кру-

¹ *Бат-мицва* — обряд религиозного совершеннолетия для еврейских девочек; совершается в возрасте 12 лет.

² В названии кофейни для Сейдж заключена игра смыслов, основанная на омонимии слова «*hebrews*» (евреи) и словосочетания «*He Brews*» (букв.: «Он заваривает»); «Он» с прописной буквы в христианских текстах относится к Христу или к Господу.

³ *Шикса* — нееврейка.

⁴ *Хадасса* — американская женская сионистская организация.

жок вязания; на следующий год — класс йоги. «Голод, — часто говорит она мне, — не имеет ничего общего с желудком, он сидит в голове». То, чем управляет Мэри, на самом деле не пекарня, а община.

Некоторые из афоризмов Мэри написаны краской на стенах: «Ищите и найдете», «Странствующие не заблуждаются», «Счет идет не годам вашей жизни, а жизни в ваших годах». Иногда я размышляю, действительно ли Мэри сама выдумывает эти банальности или просто вспоминает бойкие фразы с футболок из серии «Жизнь — хорошая штука». Думаю, это не слишком важно.

Сегодня Мэри выводит на потолок свою последнюю мантру: «All you knead is love»¹, — читаю я.

— Как тебе? — спрашивает Мэри.

— Йоко Оно подаст на тебя в суд за нарушение авторских прав, — отвечаю я.

Рокко, наш бариста, вытирает стойку.

— Леннон бесподобен, — говорит он. — Если бы он был жив. / Только «Представьте»².

Рокко двадцать девять, у него до времени поседевшие дреды, и выражается он исключительно японскими хайку. Это его «фишка», как он объяснил Мэри, когда пришел на собеседование, чтобы получить работу. Она охотно закрыла глаза на этот маленький вербальный тик нового баристы из-за его непревзойденного таланта в искусстве создания молочной пены — разрисованных завихряющихся шапок на латте и моккачино. Рокко может изобразить листья папоротника, сердечки, единорогов, Леди Гагу, паутину, а однажды на день рождения Мэри нарисовал папу Бенедикта XVI. Мне Рокко нравится из-за другой его «фишки»: он не смотрит людям в глаза. Говорит, так у тебя могут украсть душу.

¹ «Все, что вы месите, — это любовь»; аллюзия на песню «Битлз» «All you need is love» — «Все, что вам нужно, — это любовь»; по-английски *knead* и *need* произносятся одинаково.

² Рокко намекает на известную песню Джона Леннона «Imagine».

Пиколт Дж.

П 32 Рассказчица : роман / Джоди Пиколт ; пер. с англ. Е. Бутенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 544 с.

ISBN 978-5-389-20289-4

После трагического происшествия, оставившего у нее глубокий шрам не только в душе, но и на лице, Сейдж стала сторониться людей. Ночью она выпекает хлеб, а днем спит. Однажды она знакомится с Джозефом Вебером, пожилым школьным учителем, и сближается с ним, несмотря на разницу в возрасте. Сейдж кажется, что жизнь наконец-то дала ей шанс на исцеление. Однако все меняется в тот день, когда Джозеф доверительно сообщает о своем прошлом. Оказывается, этот добрый, внимательный и застенчивый человек был офицером СС в Освенциме, узницей которого в свое время была бабушка Сейдж, рассказавшая внучке о пережитых в концлагере ужасах. И вот теперь Джозеф, много лет страдающий от осознания вины в совершенных им злодеяниях, хочет умереть и просит Сейдж простить его от имени всех убитых в лагере евреев и помочь ему уйти из жизни. Но дает ли прошлое право убивать?

Захватывающий рассказ о границе между справедливостью и милосердием от всемирно известного автора Джоди Пиколт.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОДИ ПИКОЛТ
РАССКАЗЧИЦА

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Светлана Прохвятилова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.01.2022. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 28,56.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-DJP-29113-01-R